

Повести и рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956
FB2: , 08.07.2010, version 1.0
UUID: FBD-66D5CB-DC31-F64E-64A3-51DB-26A9-18F0EC
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Викентий Викентьевич Вересаев

На пожарище

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

На пожарище

Уже в начале августа иногда бывает: солнце печет, а в тени холодно, ночи же — совсем студеные. Под вечер я был в Занине. Неделю назад оно сгорело. Перед тем долго была сушь и жара, народ весь был в поле, загорелось днем при сильнейшем ветре. В полчаса всю деревню как слизнуло языком.

Стояла деревня на обоих отлогих склонах долины. Те-перь это было широкое пространство, ровное, как ток, усе-янное мелким пеплом, и только закопченные печи стояли горбатыми уродами. Сзади — ивы и березы с рыжею, сморщившеюся листвою. В гору — конопляники, тоже вначале рыжие, обгорелые. На маху несколько уцелевших риг. Из ручья торчат обгорелые столбы моста. Плотина тоже сгорела, пруд убежал.

У сложенной из кирпичей печурки — сухая старуха в рваной ситцевой юбке и кацавейке, со слезящимися глазами, молодая девушка и двое мальчиков. В котелке что-то кипит.

— Хлеб вы уже убрали?

Старуха ответила громким, равнодушным голосом:

— Убрали, свезли — и пожгли!

Я с недоумением огляделся.

— Где же вы теперь живете-то?

— В риге дрожим. Ночи-то холодные, одежда вся погорела, подостлать нечего, покрыться нечем. Лежим друг возле дружки и дрожим!

Говорила она все так же громко и равнодушно, поучающим голосом, как будто читала лекцию. Подошел мужик с русой бородой, в серой поддевке.

— Отчего загорелось?

Мужик ответил:

— Кто ж его знает!

А старуха сказала:

— Шпитонок, говорят, — значит, из воспитательного дома, — стал ребятам показывать, как пчел выкуривают.

— Ну, бабы болтают, — тоже, верить им! Одна мелет, другая подлыгает.

Говорил он тоже спокойно, с легкой усмешечкой.

— Страховку вы получите?

— Ну, как же! Получим! Богато получим, — от сорока до восьмидесяти рублей! А у Семибратова купить, — один сруб семьдесят два

рубля стоит. А погорело-то ведь все, — колеса, хомуты, одежда, телеги, сани, — лошадь оброта-ть нечем! Прольешь — не подгробешь. Все ведь но-вое надо заводить.

Подошло еще несколько мужиков.

— Ну, а бочки, багры, — это все у вас было?

Первый мужик ответил:

— Самое это, я вам скажу, пустое дело — багры! Ведра, — больше ничего не надо.

— Почему?

— А потому. Моя вон изба: всю ее баграми растащи-ли. Заплатить мне за нее ничего не заплатят, — не сгорела, а чем мне лучше, нежели другим? Все побили, все поло-мали, порвали...

— Так ведь из леса опять можно избу сложить.

— Как ее сложишь? — заметил другой.

А первый продолжал:

— Изба-то ведь жилая была, гнилая, — тронули, и рассыпалась! Эх, бра-ат!.. Вот теперь и иди по миру, ни копейки ведь мне штраховки не дадут.

Постепенно он начинал говорить все взволнованнее, губы запрыгали, на глазах вы-

ступили слезы.

— Я на багор ругаюсь, — зачем инструмент этот такой вредный! Пускай уж, гори все подряд! Пропадай пропа-дом! Зачем же они мне жизнь мою изломали?!

И из груди его вырвалось короткое, глухое рыдание.

Подошедшие мужики стали рассказывать про пожар:

— Горело так, что в Марьине было жарко стоять. Из губернии запрос: «Что там такое жарко так горит?» И те-леграммы об нас: «Занино! Занино!» Так со всех сторон и забирало. Прибежали с поля, бросились спасать, — куда тебе! Вихорь так и рвет, так и крутит, — со всех сторон охватило. Только и выходу, что к пруду. Так было жар-ко — вода в пруде закипала. Сундук в воду бросили, — он плавает, а верх горит. Одна баба сгорела, другую, в огне всю, бросили в пруд, чуть не утопла. На другой день в Ненашеве в больнице умерла, от ожогов.

Третий сказал:

— Ну да! Ведь свое добро, — жалко! Лезет баба в избу, кругом все горит, волосы на ней

трещат, а она вот так рукой заслонится и тащит сундук.

— Много все-таки спасли?

— Куда там! Дай бог самим было живую уйти!

Первый мужик — опять совсем уже спокойный — сказал, смеясь:

— Вбежал я в пруд, кричу: «Дядя Матвей, ведь ты горю!» А он мне: «Да ведь и ты горю!» Хвать — ан вправду картуз на голове горит! И оба мы с ним в картузах — нырк в воду!

В холодавшем воздухе стоял дружный смех.

1940